

Вестник МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 6 — 1966

Л. И. РАХМАНОВА

ДЕЛО ЖИЗНИ (к 100-летию словаря Даля)

Комната русского культурного человека — это стол, стул и Даль.
(М. А. Рыбникова. «Введение в стилистику»)

В мировой лексикографии немало словарей, удивляющих своим объемом и богатством содержания, но едва ли не самый выдающийся из них — «Толковый словарь живого великорусского языка» Владимира Ивановича Даля.

Свой словарь Даль готовил в течение почти всей жизни, начав собирание слов восемнадцатилетним юношей и работая над ним до последних дней (умер Даль 22 сентября 1872 г., в возрасте 71 года): за 4 дня до своей кончины он попросил дочь записать несколько слов, услышанных от прислуги.

Один из биографов В. И. Даля, писатель П. И. Мельников (Андрей Печерский), так писал о начале Словаря: «В Москву на пути в Николаев на паре почтовых ехал молоденький мичман. Мичманская одежда с иголочки плохо грела... Ямщик... поглядел на небо и в утешение prod-рогшему до костей моряку указал на пасмурневшее небо — верный признак перемены к теплу: «Замолаживает!» Слово это было мичману незнакомо, и тот, несмотря на мороз, выхватывает из кармана записную книжку и заочневшими руками пишет. «Эти строчки, записанные на морозе в 1819 г., — продолжает Мельников, — были зародышем того колоссального труда, который ученому миру известен под названием «Толкового словаря живого великорусского языка»¹.

Другой биограф, Н. Модестов, ссылаясь на повесть Даля «Мичман Поцелуев», имеющую до некоторой степени автобиографический характер, полагает, что начало записывания слов с объяснениями следует относить даже к более раннему времени — к учению Даля в Кадетском морском корпусе, когда он стал записывать ходячие кадетские слова и их значения².

Владимир Иванович Даль родился в Луганске в 1801 г. в семье обрусевшего датчанина, врача по образованию. Учился в Морском кор-

¹ «Русский Вестник», 1873, март, стр. 287.

² Н. Н. Модестов. Даль в Оренбурге. Труды Оренбургской ученой Архивной комиссии, вып. XXVII, 1913, Оренбург, стр. 58.

пусе в Петербурге (1814—1819 гг.), затем 5 лет служил во флоте. Впоследствии знания, полученные им в корпусе и во время флотской службы, найдут отражение в Словаре в подробном и исчерпывающем описании соответствующих предметов. Так, например, к слову *компасный*, кроме толкования, 'к компасу относящийся' будет дано примечание, что во флоте нашем приняты голландские названия румбов с перечислением в сноске всех этих названий. При слове *парус* Даль расскажет не только о том, что такое парус и как он крепится, но и приведет наименования различных видов парусов, которые были тогда на судах разных типов и т. д.

Выйдя в отставку, Даль поступил в 1826 г. в Дерптский университет на медицинский факультет, где в это же время учился и будущий знаменитый хирург Н. И. Пирогов. В 1829 г. началась война с Турцией, и Даль, досрочно сдав экзамены на доктора медицины, едет в качестве врача на театр военных действий. К этому времени у него накопилось уже столько записей для будущего словаря, что понадобился даже специальный транспорт. Во время турецкой кампании и позже в Польше Даль неустанно пополняет свои записки. «Нигде это не было так удобно, как в походах, — говорил он. — Бывало, на дневке где-нибудь соберешь вокруг себя солдат из разных мест да и начнешь расспрашивать, как такой-то предмет в той губернии зовется, как в другой, в третьей; взглянешь в книжку, а там уже целая вереница областных речений»³.

Можно сказать, поэтому, что Даль был одним из первых филологов, кто обратился к изучению живой речи и изучал ее методом непосредственного и активного наблюдения.

Во время турецкой кампании Даль испытал серьезное потрясение, вызванное исчезновением верблюда с драгоценными записями. К счастью, через две недели злополучный верблюд был пойман казаками и возвращен счастливому владельцу.

После армии Даль служил в Петербурге, а затем в качестве чиновника особых поручений в Оренбурге.

К 1832 г. относятся его первые сказки, напечатанные под псевдонимом Казак Луганский. Они вызвали восхищение А. С. Пушкина, который вскоре подарил ему рукопись своей «Сказки о рыбаке и рыбке» с надписью: «Твоя от твоих. Сказочнику Казаку Луганскому сказочник Александр Пушкин». Сам Даль впоследствии писал: «Не сказки сами по себе были мне важны, а русское слово, которое у нас в таком загоне, что ему нельзя было показаться в люди без особого предлога и повода — сказка послужила поводом»⁴. Этот русский народный язык и сценил Пушкин.

По делам службы Даль часто ездил по Оренбургскому краю, что давало ему новые возможности для изучения языка этой окраины России. С оренбургским периодом его жизни связан ряд беллетристических произведений, в которых читатель встретит множество тех местных слов, которые потом попадут в Словарь. Это и *зевать* ('кричать, орать'), и *поверстаться* ('поквитаться'), и *ятовь* ('омут, в который ложится красная рыба на зимовку') и др. из повести «Уральский казак».

Кипучая и любознательная натура Даля не позволяет ему ограничиваться только собиранием слов, оно подкрепляется теперь изучением быта, экономики и естественных богатств Оренбуржья.

³ П. И. Мельников (Андрей Печерский). Владимир Даль. Критико-биографический очерк. Полн. собр. соч. Владимира Даля (Казака Луганского), 1897—1899, т. 1, стр. 20.

⁴ «Русский Вестник», 1873, март, стр. 296.

В сентябре 1833 г. Даль встречается в Оренбурге с Пушкиным, собиравшим материалы для «Истории пугачевского бунта», и сопровождает его во все время поездки по краю. В Оренбурге, как писал Мельников, сформировалась окончательно идея создания Словаря.

В 1841 г. Даль снова возвращается в Петербург, где служит крупным чиновником, а через 8 лет переводится в Нижний Новгород управляющим удельной конторой. В этой последней должности он пребывает 10 лет и наконец в 1859 г. выходит в отставку. Из Нижнего Даль привез Словарь, окончательно обработанным до буквы «П». Поселившись в Москве на Пресне, он полностью отдается работе над Словарем. Работает он в это время необычайно много, иногда до обмороков. Для того чтобы окончательно просмотреть и подготовить Словарь к печати, Даль держал до 14(!) корректур 330 печатных листов большого формата. И это несмотря на то, что располагал он для этого титанического труда, по его собственным горестным словам, всего лишь «одной парой старых глаз».

В результате такой неустанной работы и появился знаменитый словарь, который академик В. В. Виноградов назвал «патриотическим подвигом подлинного народолобца»⁵.

По богатству лексического материала «Толковый словарь живого великорусского языка» превосходит все словари, вышедшие в России до и после него: самый крупный из предшествующих словарей — «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 г. содержит 114 749 слов, последний — «Словарь современного русского литературного языка» АН СССР в 17-ти томах, в создании которого принимали участие десятки людей, насчитывает 120 480 слов. В словаре же Даля 200 000 слов, причем 80 тысяч собрано им самим. Как писал сам автор в «Напутном слове» — предисловии к словарю, — желанием собирателя было составить словарь, о котором бы можно было сказать: «Речения письменные, беседные, простонародные; общие, местные и областные; обиходные, научные, промысловые и ремесленные; иноязычные усвоенные и вновь заходящие, с переводом...»⁶. И действительно, здесь есть и слова книжно-письменного языка, и языка народного в самых разных сферах и областях его употребления.

В современных спорах о месте областных слов и праве их быть в составе языка литературных произведений свидетельства Далева словаря играют далеко не последнюю роль. Та самая выразительность народного слова, которая многими признается существенным качеством, оправдывающим появление такого слова в авторском языке беллетриста, наиболее наглядно и «массово» представлена прежде всего в Словаре Даля. Ср., например, здесь такие слова, как *вдомник* ('зять, принятый в дом'), *верхосытка* ('лакомство после стола..., заедка'), *около-ть* ('праздный человек, шатун'), *вёрты* ('извилистые дорожки сада'), *выползина* ('шкура насекомого или гада, из которой животное выползло, покинув ее, как делают гусенички, змеи'). *Выползина* вызвала особенно бурный восторг Пушкина. Он на разные лады повторял его, а однажды, явившись к Далю в новом сюртуке, торжественно-шутливо спросил: «Ну, какова выползина?». В этом сюртуке он был ранен, и перед смертью сказал Далю, который неотлучно был при нем все три последних дня: «А выползину себе возьми».

Обилие этих и множества других слов народного языка в Словаре

⁵ В. В. Виноградов. Русская наука о языке. Ученые записки МГУ, вып. 106, т. III, кн. I. М., Изд-во МГУ, 1946, стр. 73.

⁶ «Толковый словарь живого великорусского языка», т. I, А—З, М., 1863, стр. 10.

позволило Владимиру Ильичу Ленину добавить к определению этого Словаря как «областнического» эпитет «великолепный».

О степени знания Далем разных говоров вообще, их лексики в частности, а следовательно, и о том, какое объективно ценное богатство заключено в Словаре, свидетельствует следующий эпизод, приведенный Мельниковым. Однажды внимание Даля обратил на себя белокурый чистотелый монах, с книжкой в черном чехле с нашитым желтым крестом, стоящий среди нищих и сборщиков на церковное строение. Дале обратился к нему:

— Какого, батюшка, монастыря?

— Соловецкого, родненький, — отвечал монах.

— Из Ярославской губернии? — сказал Дале, зная, что «родимый», «родненький» одно из любимых слов ярославского простолюдина. Монах смутился и поникшим голосом ответил:

— Нету-ти, родненький, тамо-ди в Соловецком живу.

— Да еще из Ростовского уезда, — сказал Владимир Иванович. Монах повалился в ноги: «Не погубите!».

Оказалось, что это был беглый солдат, отданный в рекруты из Ростовского уезда и скрывавшийся под видом соловецкого монаха.

Знание Далем народного языка, народного быта в самых разных его проявлениях отразилось в Словаре и в приведении огромного количества терминов ремесленно-промышленного характера (их здесь свыше 4 тыс.). Это: термины судостроения и судоходства: *ангарка, антретный, базьяновка, бегинрей, бридель, вышневолодка*; рыболовства: *абрашка, базлук, балберь, берце, бредняк, возмилка, жерлица, кокоток, крылена*; кожевного производства: *варник, вершильник, будность дубильня, закал, корье, мездрить, свищуха, шкурятин*; охоты: *взбудный, высыпка, дымить, криковая, иск* и т. д.

Своеобразно объяснение этой лексики. Дале, которого не удовлетворяли толкования предшествующих словарей, при объяснении множества слов, относящихся к промыслам, торговле, наукам (а также конкретным бытовым предметам), избрал метод подробного описания самого предмета. В этом он, конечно, вышел далеко за пределы лингвистического словаря и вторгся в область энциклопедий, но в этом же состояло и глубокое своеобразие его труда. Академик Я. Грот, официальный рецензент Толкового словаря от Академии наук, писал даже, что в таких подробных многосторонних описаниях объясняемых предметов «рядом с богатством запаса собранных Далем слов и примеров, заключается главное, неотъемлемое достоинство его Словаря»⁷.

Вот, например, как толкуется здесь слово *невод*: самая большая из всех рыболовных сетей, состоящая из *матни* посредине и двух *приводов* или *крыльев*. Невод закидывают и вытаскивают на берег, а все устройство это *рыбалка, ватага, тоня*. Невода бывают длин. до 500 саж... Далее следует описание неводов, различающихся частотой ячеек, устройством и местом лова, приводятся названия разных неводов и их частей, рассказывается о том, как закидывается невод.

Насколько своеобразно было такое объяснение видно из сравнения его с предшествующим, академическим «Словарем церковнославянского и русского языка» 1847 г., где о том же слове говорится, что это 'род рыболовной сети различной величины'.

Интересно, что В. И. Ленин, конспектируя в 1910 г. пятитомную «Сельскохозяйственную статистику областей Венгерского королевства»

⁷ Я. Грот. Народный и литературный язык. «Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля». Филологические разыскания, издание второе, т. I, СПб., 1876, стр. 53.

и встретив венгерское слово *Grendel*, *Grindel* (или *Grendel*) = *Pflugbaum*, обратился за разъяснением именно к словарю Даля и сделал следующую выписку: «Грядиль (по Далю) — ж. гра(е)диль — «плужное дышло, вал, дрога, укрепляемая в комле рукоятей и связываемая с полозом или подошвой стояком». Для этой выписки Ленин навел справки в пяти местах словаря: в гнезде *гряда* для объяснения слова *грядиль*, в гнезде *дрожать* для объяснения слова *дрога*, в гнезде *стоять* для объяснения слова *стояк*, в заголовочном слове *гра(е, я)диль* и в слове *рассоха*⁸.

Раскрывая значение соответствующих слов, Даль рассказывает о народной жизни, обычаях, обрядах, поверьях. Так, например, сведения, которые приводятся при словах *выкуп* (см. *выкупать*), *грядня* (см. *грядиня*), *запой*, *запоины* (см. *запивать*), *плач* (см. *плакать*), *рукобитье* (см. *рука*), *сватать* и др. дают возможность читателю представить, как проходит обряд сватовства и свадьбы.

Вот как объясняется здесь слово *рукобитье*: битье по рукам отцов жениха и невесты, обычно покрыв руки полами кафтанов в знак конечного согласия; конец сватовства и начало свадебных обрядов; помолвка, сговор, благословенье, обрученье, зарученье, большой пропой; местами (ярс.)⁹ *рукобитье* бывает у отца жениха, где они ломают пирог; но более в доме отца невесты, и тогда затем еще через неделю бывает другой сговор; в таком случае на *рукобитии* определяют *кладку*, или *столовые деньги*, от отца жениха, и приданое невесты, а на сговоре благословляют со священником и венчальными свечами; сама невеста потчует, раздает дары, девки величают гостей, и плачу нет. Через день пир у жениха: *смотрят дом* или *двор*; через день пирушка у невесты, гости идут с гостинцами; затем девичник, где жених остается не долго, а уходит пировать с товарищами и т. д.

Я. Грот имел полное основание сказать: «Вещественные толкования в Словаре Даля относятся к столь разнообразным предметам, что мы никак не можем взять на себя критической их проверки: это потребовало бы особенных разысканий»¹⁰.

Даль дал в Словаре интересные и разнообразные сведения о крестьянской еде, обычной и праздничной, а также привел народные названия различных кушаний. Это *балабашка* ('каравай с конопляным соком' — влд.), *барабан* ('камчатское кушанье из толченой с мукою и поджаренной икры'), *верещанка* ('глазунья, которая шипит, верещит на сковороде'), *взвар*, *взварец* (в Ярославской и Костромской губерниях — 'говяжий навар, подаваемый обычно на свадьбе'; в Вологодской — 'похлебка из отварных луковиц на квасу'; в других местах — 'компот, сушеные ягоды, вареные и подслащенные изюмом или медом и под'), *голубцы* ('капуста, чиненная пшеном, постное блюдо');

о постной крестьянской еде подробные сведения даются на слово *пост* (пость). Излюбленные виды пищи некоторых народностей, жителей отдельных областей и городов дали повод к прозвищам, которые Даль тоже приводит. Это: *водохлебы*, *водохлесты* (прозвище тихвинцев и кашинцев, которые предпочитали воду вареву или не пили вина — в статье *вода*), *бурдушники* (прозвище жителей берегов р. Лены по названию любимого якутами блюда — *бурдуку*, представляющему собой кисель из квашенного раствора ржаной муки), *моржееды* (прозвище жителей Архангельска — см. *моржъ*).

⁸ См. Ленинский сборник XXXI, Партиздат ЦК ВКП(б), 1938, стр. 282—283.

⁹ В Ярославской губ. — Л. Р.

¹⁰ «Народный и литературный язык». Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. Филологические разыскания, изд. второе, т. I, СПб., 1876, стр. 55.

Уникальными являются сведения, которые относятся к области народных суеверий. Так, здесь есть не только обычное истолкование таких слов, как *ведьма, домовой, леший, черт* (что можно найти в любом толковом словаре), но и характеристика «отношений» этих мифологических существ друг к другу, их действий и даже описание их внешнего вида, каким он представлялся народному сознанию. Ср. о *водяном* (который называется также «водяник», «водяной дедушка», «нежить»): 'бес, сидящий в омутах и бучилах, под мельницами. Он ходит нагой или косматый, бородастый, в тине, иногда с зеленою бородой; он товарищ лешему или полевому, недруг домовому, но злее всех их и ближе в родстве с нечистой силой' (см. *вода*). Еще пример, о лешем (лѣсь): 'лесной дух, пугало, как домовой, полевой, водяной; леший поет голосом без слов, бьет в ладоши, свищет, аукает, хохочет, перекидывается в мужика с котомкой, в волка, в филина, обходит путников и лесников, заставляя их плутать; избавляются от этого, надев платье наизнанку; звери, особенно зайцы, в его ведении; их лешии проигрывают друг другу в карты и перегоняют из колка в колок... Леший нем, но голосист, без шапки, волоса зачесаны налево, кафтан запахивает направо, бровей и ресниц нет. Леший подходит греться к кострам, но прячет рожу' и т. д.

Есть в Словаре и любопытные исторические сведения. При слове *лобный*, например (*лобѣ*) указывается, что *лобное* место в Москве против Спасских ворот никогда не было местом казни, но было царским и патриаршим при беседе с народом; с него читались указы и приговоры, казни же происходили вблизи, на площади Китай-города.

Представляю известный интерес отдельные замечания о достопримечательностях некоторых городов. Так, при слове *деревянный* (в ст. *дерево*) пример к нему *деревянные* печи, *золотые* ворота, *железные* церкви сопровождается указанием: «во Владимире; *дерев.* печь была в архиерейском доме при Успенском соборе; *золотые* ворота известны; *желез.* церк. была у Рождественск. монаст.»

Есть здесь слова «условного» секретного языка бродячих торговцев — офеней: *аланя* ('пиво'), *волоха* ('рубаха'), *дербужник* ('гребень'), *взетить* ('усмотреть'), *зехло* ('стекло'), *марсик* ('нос'), названия чисел при счете и даже образцы офенской речи. Последние приведены в статье *афеня*: «Ропá кимáть, полумёркоть, рыхлô закурёщатъ ворыханы» (пора спать, полночь; скоро запоют петухи) и др.

Один из современных исследователей Даля Е. В. Ухмылина пишет, что автор «Толкового словаря живого великорусского языка», находясь в Нижнем Новгороде, составил даже «Словарь офеней» и «Словарь костромских шерстобитов»¹¹, так что помещение слов «условных языков» в «Толковый словарь...» — это отражение специальных изысканий В. И. Даля.

Особо следует сказать об отношении Даля к заимствованным словам. Призывая «подорожить народным языком и выработать из него язык образованный», он не раз указывал на чрезмерное увлечение иностранными словами, сетовал на то, что, наводняясь чужеземными словами, русский литературный язык нередко и строится по иностранному образцу. Это заблуждение в том, что русский литературный язык теряет национальный облик не только в лексическом, но и структурном отношении, не помешало ему тем не менее не только включить значи-

¹¹ Е. В. Ухмылина. «Даль в Нижнем Новгороде». Ученые записки Горьковского гос. пед. ин-та им. М. Горького, филологическая серия, вып. 42. Горький, 1963, стр. 15.

тельное количество заимствованных и усвоенных русским языком слов, но и поместить множество таких, которых не было в предшествующих словарях. В диссертации М. В. Канкавы «Даль как лексикограф» указывается на такие, например, слова, как *абсолютный, абстрактный, абсцесс, агония, акцент, алюминий, ампутация, ангина, анемия, ансамбль, аргумент, барак, баррикада, беллетристика, бинокль* и многие др.

Помещение их в Словарь сам Даль справедливо объясняет тем, что «от исключения из словаря чужих слов их в обиходе, конечно, не убудет; а помещение их с удачным переводом могло бы иногда пробудить чувство, вкус, любовь к чистоте языка»¹².

Уже в этом объяснении раскрывается тот метод, с помощью которого истолкована значительная часть заимствованных слов, — метод приведения русских синонимических параллелей. И если энциклопедическое истолкование слова, о котором говорилось выше, составило сильную (по полноте описания) и своеобразную сторону Словаря, то синонимические объяснения заимствованных, а иногда и русских слов зачастую обнаруживают ту его слабую сторону, на которую указывали и современные Дально критики, в частности академик Я. Грот, и позднейшие его исследователи.

Те русские синонимические параллели, которые Даль приводил к заимствованным словам (а в их числе попадались не только узкообластные, но даже и сочиненные Далем слова), выглядели подчас таким курьезом, что с самого начала оказывались обреченными на существование лишь на страницах Словаря. В качестве иллюстрации можно привести следующие: *акробат* — висопляс; *аптека* — зельница, снадобница; *гримаса* — рожа, изличье, пожимка, рожекорча; *кокетка* — прелестница, жеманница, казотка, хорошуха, красовитка; *рельсы* — железные колесопроводы, подколесник, полозья, стелюги, прогон.

Ясно, конечно, что идея отказаться от такого рода заимствований, которые прочно вошли в русский язык и более точно и удачно выражали мысль, чем соответствующие русские параллели, тем более малоудачные параллели, была исторически неверной и не могла встретить сочувствия со стороны передовой части общества. Теоретически верная мысль Даля «не гнать анафемой все иностранные слова», но лишь некоторые, была им самим практически в значительной мере скомпрометирована и вызвала даже «глумленье», как признавал сам автор.

Говоря о Словаре Даля нельзя пройти и мимо самого расположения слов. Стремление показать богатство русского лексикона и настойчивые поиски путей этого показа заставили Даля отказаться от чисто алфавитного способа расположения слов, как «тупого и сухого», при котором «самые близкие и сродные речения... разносятся далеко врозь и томятся тут и там в одиночестве, ... всякая живая связь речи разорвана и утрачена»¹³. Даль выбрал способ алфавитно-гнездовой¹⁴: «Не усвоим ли мы себе легче утраченный нами дух языка при том гнездовом или семейном порядке составления Словаря, который читатели видят ныне перед собою?»¹⁵.

Действительно, в длинных цепях слов-родственников наглядно раскрывается та выразительность русского слова, показ которой со-

¹² «Толковый словарь живого великорусского языка», т. I. М., 1863, стр. XI.

¹³ Там же, стр. VI.

¹⁴ В первом издании Словаря, кроме того, после всех родственных слов, начинающихся с той же буквы, что и заголовочное, особым шрифтом приводились также и другие — приставочные, повторяющиеся затем на своем месте по алфавиту.

¹⁵ «Толковый словарь живого великорусского языка», т. I. М., 1863, стр. VII.

ставлял одну из важных задач Даля. Так, например, поместив слово *соловей*, Даль показал, как любовь русского человека к этой птице выразилась в многочисленных ласкательных наименованиях: *соловушек, соловейка, соловчик, соловеюшка, соловейчик*. Не менее выразительны и отрицательные характеристики, встречающиеся здесь: *скупец, скупень, скупяга, скупердяга, скупердяй, скупендяга* и под.

Отчетливо и убедительно демонстрирует этот способ и богатство словообразовательных возможностей слова. Так, например, в статье *вода* приведено свыше 300 (!) слов, среди которых находим и *водяник, водяной, водинка* ('капля воды'), *водяника, водяница* ('русалка...'), и *водный, воднистый, водянистый, водяной, водяной* и *водобоязнь, водоклев* ('капель'), шуточное *водопряха* ('прозвище прачки') и т. д. и т. п.

Наконец, яркой особенностью Словаря является и то, что употребление слов иллюстрируется пословицами, поговорками, загадками, короткими побасенками, сказками. Подсчитано, что в Словаре около 30 тыс. пословиц и поговорок. В них, по выражению Гоголя, «все есть: издевка, насмешка, попрек, словом — все шевелящее и задирающее за живое». Мы скажем «он глуп», а пословица — «он на цвету прибит», «под носом взошло, а в голове и не посеяно», мы скажем «он трус», а пословица — «хорошо медведя в окно дразнить»; «он нечестен», а в пословице — «берет руками, а отдает ногами»; «он лицемер», а в пословице — «речами тих, да очами лих» и т. д.

Живой ум русского человека Даль показал не только в пословицах и поговорках, но и в тех иллюстрациях, которые относятся к народным приметам и характеризуют тонкие и многообразные наблюдения русского крестьянина над природой, составляют его поэтический сельскохозяйственный календарь: «если лист не чисто спадет, будет строгая зима», «лист на дубу развивается — улов щук», «лист, осыпаясь осенью с дерева, ложится лицом кверху — к недороду на другой год, а изнанкой — к урожаю (мохнатая сторона к урожаю); «март сухой, да мокрый май, будет каша и каравай», «ненастье в воскресенье перед масленой — к урожаю грибов», «сей овес, когда босая нога на пашне не забьнет» или «когда береза станет распускаться, сей овес» и др.

Все эти огромные и неоспоримые достоинства Словаря как сокровищницы русского слова, редкого собрания этнографических и других сведений о русском народе, несмотря на отдельные недостатки, неудачи и ошибки, доставили ему почетное и прочное место не только в русской лексикографии, но вообще в ряду памятников русской культуры.

После издания первых двух выпусков «Толкового словаря живого великорусского языка» в 1861 г. появилась рецензия на него акад. И. И. Срезневского, который писал, что «давно уже в русской литературе не было явления в такой мере достойного общего внимания и признательности, как этот словарь»¹⁶. Редакция «Отечественных записок», указав на ряд неудач, связанных с подачей слов общественно-публицистического и научно-философского характера, тем не менее приветствовала «этот самостоятельный и огромный труд» как нечто «небывалое на святой Руси... Тут слово тесно связано с взглядами народа, его пониманием вещей, его философией»¹⁷. В 1870 г. Словарь получил Ломоносовскую премию, а его создатель был выбран почетным академиком. Среди внимательных читателей Словаря можно назвать

¹⁶ И. И. Срезневский. Библиографические записки. Известия АН ОРЯС, т. X, вып. 1—7, СПб., 1861—1863, лл. 11—17, стр. 245.

¹⁷ «Отечественные записки», 1861, октябрь, стр. 120—121.

Л. Н. Толстого¹⁸, А. Н. Островского, Н. А. Некрасова. Постоянно обращался к Словарю Даля и В. И. Ленин, как свидетельствует о том Г. М. Кржижановский: «Стоило только при Владимире Ильиче произнести какое-либо незнакомое ему русское слово, как он немедленно учинял допрос: «Откуда вы взяли это слово, правильно ли вы его употребляете?» И неизменно рылся в известном словаре Даля, высоко расценивая его авторитет и отражая все мои атаки на ограниченность этого источника»¹⁹.

Словарь Даля несколько раз переиздавался. Сразу после выхода 1-го издания Даль ведет интенсивную работу над пополнением словаря и его улучшением, внимательно знакомясь со всеми замечаниями. Частью замечаний, опубликованных в печати, он успел воспользоваться (во 2-м издании встречаются фамилии авторов, которые прислали наибольшее количество отвечающих его идее дополнений), однако 2-е издание вышло уже после смерти Даля в 1880—1882 гг. Затем в начале XX в. выходит 3-е и 4-е издания этого словаря, редактором которых был профессор Петербургского университета И. А. Бодуэн де Куртене. Несмотря на то, что он был не согласен с рядом идей Даля, он, понимая своеобразие и грандиозность Словаря, видел своей задачей в основном исправление некоторых ошибок (прежде всего касающихся действительности родства ряда слов), дополнение тех слов, которые были пропущены Далем, а также новых слов, вошедших в разговорный русский язык к этому времени. Причем во всех случаях то, что было добавлено, исправлено и изменено, отмечалось специальными скобками, так что авторский текст остался сохраненным.

И в наше время Словарь Даля остается незаменимым справочником по различным вопросам этнографического, энциклопедического, исторического и лексикологического характера. К нему до сих пор обращаются за помощью при чтении русской классической и даже советской литературы.

Непреходящее значение этого Словаря получило подтверждение и в том, что уже в советское время он переиздавался 2 раза: в 1935 г. и 1955 г. (со 2-го издания). «Как сокровищница меткого народного слова, Словарь Даля всегда будет спутником не только литератора, филолога, но и всякого образованного человека, интересующегося русским языком»²⁰.

¹⁸ См., например, разыскания Ю. М. Соколова: «Толстой не только наблюдал, но, действительно, изучал народный язык, пытаясь, по-видимому, глубоко проникнуть в тайну его строя... Огромное количество выписок, как удаётся также установить, идет из Толкового словаря Даля» («Лев Толстой и сказитель Щеголенок». Л. Н. Толстой. К 120-летию со дня рождения (1828—1948), т. II, под ред. Влад. Бонч-Бруевича. М., 1948, стр. 200).

¹⁹ Г. М. Кржижановский. О Владимире Ильиче. Сб. статей и воспоминаний. М., Партиздат, 1933, стр. 106.

²⁰ В. В. Виноградов. Русская наука о русском литературном языке. «Уч. зап. Моск. ун-та», вып. 106, т. III, кн. 1. Изд-во МГУ, 1946, стр. 73.